

ПРАВО, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

© 2014 Р. А. Ромашов

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России
Самарский юридический институт ФСИН России

Автор рассматривает существование права и преступности как юридических антимиров, проводя параллели с учением теоретической физики о частицах и античастицах.

Представление о человеческом мире как о социокультурном феномене позволяет рассматривать в качестве форм выражения культуры любые результативные волеизъявления, посредством которых вносятся преобразования в природу и общественные отношения. Если принять высказанную точку зрения за основу дальнейших рассуждений, то можно сформулировать следующие положения.

– Право изначально преследует две функции: регулятивную, направленную на сохранение позитивных общественных отношений и их прогрессивную коррекцию; и охранительную, призванную обеспечить профилактику правонарушений, их пресечение, раскрытие, расследование, осуществление правосудия и исполнение наказаний. Применительно к регулятивной функции законодатель руководствуется презумпцией правомерного сознания и положительной мотивации субъектов общественных отношений. Соответственно, если речь идет об охранительной функции, то в основе правового регулирования находится презумпция противоправного сознания и негативной мотивации субъектов, стремящихся решить собственные интересы за счет противоправных средств и методов.

– Рассмотрение права в качестве формы культуры не вызывает сомнений. Получил широкое использование термин «правовая культура», используемый для обозначения позитивного отношения к праву, уважения к правовым предписаниям и их осознанного волевого применения в процессе регулирования общественных отношений. Что же касается преступления, то здесь, как правило, высказывается противоположная точка зрения. Если право – это форма культуры, а правовая культура – показатель правовой позитивации, то преступление – проявление бескультурия. Так ли это? На наш взгляд, кажущееся вначале бесспорным утверждение при ближайшем рассмотрении отнюдь не очевидно.

Во-первых, вряд ли у кого-то возникают сомнения в том, что культурное развитие не характеризует отдельные качества человеческой личности, народа, страны, а носит обобщенный характер. Можно, к примеру, восхищаться умением человека хорошо говорить, одеваться, писать стихи и музыку и, вместе с тем, столь же искренне негодовать по поводу его действий, связанных с совершением мошеннических операций, растлением несовершеннолетних, торговлей наркотиками и т.д. Вывод первый: *всякий человек есть представитель культуры своего общества, наделенный положительными и отрицательными свойствами, которые при определенных обстоятельствах и в рамках определенных оценок могут рассматриваться и как выражение культуры, и как проявление бескультурия. Следовательно, не имеет смысла говорить о культурных и бескультурных людях, а нужно говорить о культурных или бескультурных поступках, совершаемых ими.*

Во-вторых, любая оценка культуры общества носит субъективный характер и не может рассматриваться в качестве универсальной. Находясь внутри системы и являясь ее структурно-функциональным элементом, исследовательвольно или невольно подпадает под системное воздействие и в большей степени анализирует не систему как таковую, а собственное отношение к ней, как правило, представляющее адекватную реакцию на исходящие от системы позитивные и негативные раздражители. В свою очередь внешняя оценка также не может быть объективной, поскольку осуществляется представителем другой системы, руководствующимся сложившимися в рамках этой системы стереотипами, которые и являются в конечном итоге критериями оценки другой системы в качестве правильной (культурной)/неправильной (бескультурной, варварской). Вывод второй: *любая социальная общность выступает в качестве определенного набора стереотипов (язык, традиции, религия, особенности хозяйствования и др.), в совокупности образующих национальную культуру/ментальность. Оценка общества как культурного/бескультурного носит субъективный характер и не может претендовать на универсальность.*

В-третьих, преступление, являясь юридическим фактом с отрицательной правовой оценкой, в принципе выходит «за рамки» правового регулирования. Право оценивает не преступление, а виновность лица, его совершившего. Следовательно, право и преступление соотносятся друг с другом как детерминирующие и, вместе с тем, несводимые величины. Иными словами, характеристика преступления как бескультурья мало что дает, поскольку не отвечает на вопрос: «Если преступление не есть проявление культуры, то что такое преступление?». Ответ можно найти в области теоретической физики, оперирующей так называемыми античастицами для всех фактически известных частиц. Частицы и античастицы – это своего рода двойники, отличающиеся друг от друга только противоположными зарядами. Но если частицы являются «кирпичиками» нашего мира, то античастицы – лишь «гости» в нем, на мгновения появляющиеся в этом мире. При встрече античастиц с частицами происходит взрыв, в результате которого они взаимно уничтожаются. На основании многочисленных наблюдений за античастицами и изучения их поведения в «нашем мире» некоторые ученые пришли к мысли о существовании целого антимира, который подобен «нашему миру» и существует с ним, но отличается противоположным по отношению к нему знаком.

Один из разработчиков этой концепции, Г. Е. Наан, полагает, что обе половинки Вселенной – мир и антимир – возникают в конечном счете из абсолютного вакуума. По мнению ученого: «Утверждение о возможности возникновения из ничего (пустоты, вакуума) при строгом соблюдении законов сохранения должно казаться предельно парадоксальным. Ведь смысл законов сохранения в том-то и состоит, что из ничего ничего не возникает, ничто не может породить нечто. Развиваемая здесь гипотеза ни в коей мере не оспаривает этого положения. Ничто действительно не может породить (одно лишь) нечто, но оно порождает что-то большее – нечто и антинечто одновременно! В основе предлагаемой здесь гипотезы лежит в конечном счете тот элементарный факт, что равенство $(-1) + (+1) = 0$ может быть прочитано и наоборот, справа налево: $0 = (-1) + (+1)$. Последнее равенство, позволяет утверждать, что исходным «строительным материалом Вселенной» является пустота, вакуум. В среднем, суммарно, симметричная Вселенная состоит из одной лишь пустоты. Поэтому она может возникать из пустоты при строгом соблюдении всех законов сохранения. «Тождественно равны нулю все пространственно-временные интервалы и координаты. Симметричная Вселенная такова, что она в среднем ничего не содержит, даже пространства и времени»¹.

Идеей исходного «материала» Вселенной изложенная теория антимира полагает физический вакуум – условное «ничто». Эта идея, с одной стороны, очень созвучна библейскому учению о сотворении материального мира самого по себе, с другой – ставит вопрос о той движущей силе, которая, «расщепляя» идеальный вакуум и созидая удивительный по своему строению и жизни космос, устойчиво сохраняет его неустойчивое бытие.

Социальная среда – человеческий мир – представляет собой материально-духовное бытие – нечто, которое не может рассматриваться в качестве вакуума. Поэтому в качестве первичной субстанции, являющейся предпосылкой возникновения культуры вообще и права как одной из форм культуры в частности, представляется целесообразным рассматривать хаос – неупорядоченные посредством публичной власти общественные отношения. В обстановке хаоса («юридическогоничто») люди в своих поступках руководствуются сугубо личными интересами, симпатиями и антипатиями. Основным аналогом права является «право сильного», результатом применения которого является перманентный конфликт – «война всех против всех». В ситуации хаоса в строго юридическом понимании не существует ни права, ни преступления.

Стремление избежать взаимного уничтожения является катализатором формирования публичного социального регулятора – права. Сила права обеспечивается легальным государственным принуждением. Появление права и государства приводит к установлению общезначимых и общеобязательных правил поведения, что автоматически влечет разграничение всех человеческих поступков на правомерные и противоправные. Таким образом, одновременно с миром (культурой) права из хаоса возникает антимир (антикультура) – преступность. Названные «культурные антимиры» образуются частями (правовыми нормами и правомерными деяниями) и античастицами (кriminalными понятиями и преступлениями) и в совокупности формируют правовое бытие. Право и преступность являются элементами правового бытия, суть которого составляет правовой порядок, основывающийся на

определенном пропорциональном соотношении названных культурных феноменов. Право не может ликвидировать преступность как явление, но и та в свою очередь не представляет стратегической угрозы для установленного правового порядка. Таким образом, целью и основной задачей правового регулирования является не уничтожение преступности как таковой, а контроль за ее общим состоянием, обеспечивающий безопасность права как формы позитивной культуры. Вывод третий: *право и преступность представляют собой «антикультуры», возникающие из «правового хаоса» и представляющие взаимно обусловливающие и, одновременно, взаимно отрицающие явления. В том случае, если уровень развития преступности достигает «критической массы», то столкновение с системой позитивного права влечет политico-правовую аннигиляцию и, как следствие, образование политico-правового хаоса – «юридического ничто».*

Существование права и преступности как юридических антимиров (антикультур) определяется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, без права нет преступности. Уголовно-правовая норма – это юридическая модель и одновременно квалификационный критерий оценки преступного деяния. В свою очередь преступный казус – эмпирическое подтверждение социальной значимости нормы и показатель эффективности ее применения. Стремление общества к упорядочению общественных отношений и защите субъективных интересов от вредоносных посягательств приводит к выделению из политico-правового хаоса таких социально-культурных феноменов, как государство, право, преступность. С другой стороны, столкновение права и преступности как равновеликих и сопоставимых по силе влечет их взаимное уничтожение и возврат общества в состояние хаоса с дальнейшим разрушением либо реконструкцией политico-правовой системы.

В ситуации, когда соотношение права и преступности не является жизненно важным и не влияет существенным образом на организацию и функционирование правового порядка, преступность рассматривается в качестве *одной из* (курсив наш – Р. Р.) угроз, которые наряду с другими представляют обременительную, но не смертельную опасность для нормальной, стабильной жизнедеятельности государства и общества. Минимизация этой опасности и контроль за ней относятся к числу составляющих охранительной функции права. В процессе реализации этой функции государство активно применяет институт уголовного наказания. Основными целями наказания являются кара преступника и его исправление. Основной вид наказания в современных условиях – лишение свободы на определенный срок либо пожизненно. По отношению к праву и преступности наказание выполняет двоякую функциональную нагрузку. Являясь элементом механизма правового регулирования, наказание призвано выполнять профилактическую роль и своей суворостью упреждающе устрашать маргинально настроенных субъектов, предотвращая тем самым попытки нарушения закона. В отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, наказание, как уже ранее отмечалось, выполняет одновременно карательную и исправительную функции. Можно ли на практике эти функции эффективно совместить? Как показывает отечественный и зарубежный пенитенциарный опыт, это практически невозможно.

Тюрьма как инструмент карательного воздействия не только не способствует укреплению в попавшем в нее человеке веры в конечное торжество добра, справедливости, законности, но и выполняет прямо противоположные функции – способствует социальной изолированности и разрыву социальных связей человека с нормальным обществом (прежде всего с семьей, друзьями, коллегами по работе и т.п.), озлоблению, воспитанию цинизма и недоверия. Более того, являясь местом концентрации носителей криминальной антикультуры, тюрьма начинает играть роль места «криминального заражения» и репродуктора «криминальной инфекции».

Рассмотрение права и преступности как социально-культурных детерминант позволяет говорить о наказании как о специфическом проводнике, обеспечивающем взаимное проникновение и взаимное влияние антимиров (антикультур) права и преступности. В условиях эффективного правового регулирования наказание выступает в качестве средства профилактики преступности и снижения криминальной активности. Усиление криминализации общественных отношений неизбежно влечет криминализацию пенитенциарной системы и, как следствие, усиление ее криминальной опасности. В этом случае сама пенитенциарная система начинает выступать в качестве угрозы пенитенциарной безопасности.

¹ Наан Г. Е. Симметрична вселенная (доклад на Астрономическом совете АН СССР 29 января 1964 г.) // Тартуская астрономическая обсерватория. Публикации. – Тарту, 1966. – Т. 56. – С. 431–433. Цит. по кн.: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. – М.: Сретенский монастырь, 2010.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014 А. С. Сенцов

кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© 2014 В. А. Волколупова

кандидат юридических наук

Волгоградская академия МВД России

Статья посвящена исследованию социально-политического содержания уголовной ответственности как важнейшего средства реализации уголовной политики на современном этапе развития России. Рассмотрены теоретические вопросы взаимосвязи уголовной ответственности и уголовной политики, а также проблемы стабильности уголовного законодательства Российской Федерации.

Для правильного понимания реализации современной российской уголовной политики средствами уголовного права немаловажное значение имеют исследования проблем, относящихся к социально-политическому содержанию уголовной ответственности и ее криминологической обусловленности.

Уголовная ответственность, являясь важнейшим «инструментом» реализации уголовной политики, представляет собой наиболее острое, крайнее средство, используемое в борьбе с преступностью, и ее характер во многом определяет не только содержание большинства норм и институтов российского уголовного права, но и многих других отраслевых правовых норм, образующих уголовно-правовой комплекс в целом.

Поэтому можно говорить об уголовной ответственности и как о важнейшем, центральном понятии уголовного права, и как об одном из основных средств реализации российской уголовной политики.

К числу наиболее сложных и наименее разработанных в уголовно-правовой науке относится проблема уяснения социальной обусловленности уголовной ответственности и определение ее социально-политического содержания¹.

Являясь одной из форм социальной ответственности, уголовная ответственность не есть абсолютно произвольный результат деятельности законодательных органов и органов правосудия, она не может быть, образно говоря, «свободной в своей причине».

Как и сам уголовный закон, ответственность, устанавливаемая им, детерминирована внешними по отношению к ней объективными обстоятельствами, она социально обусловлена общественными потребностями и интересами, имеющими экономическое, политическое, идеологическое и психологическое содержание. Эти потребности и интересы вытекают из закономерностей общественного развития и связаны с наличием в нем определенных противоречий, названных борьбой между зарождающимся и развивающимся «новым» (прогрессивным) и развивающимся и отживающим «старым» (ретрессивным).

Что касается конкретных форм и методов осуществления уголовной ответственности, то они также обусловлены объективными факторами, и прежде всего: материальными ресурсами государства, используемыми им в сфере борьбы с преступностью, уровнем науки и техники, социальными последствиями, наступившими в результате реализации уголовной ответственности, и рядом других.

Таким образом, основание уголовной ответственности, ее содержание и формы осуществления определяются, в первую очередь, исходя из значимости тех общественных отношений, которые нуждаются в уголовно-правовом регулировании и охране; характера и степени общественной опасности